

Об одном «елочном» сюжете в русской литературе: «История двух елей» (1883) П. В. Засодимского, «Жизнь» (1895) А. И. Куприна, «Записки рождественской елки» (1883) Н. А. Лейкина

В статье исследуются трансформации традиционного «елочного» сюжета в русской литературе 1880-90-х годов на материале рождественских рассказов П. В. Засодимского, А. И. Куприна, Н. А. Лейкина, объясняется индивидуальная авторская интерпретация известного сюжета особенностями мировоззрения, эстетической и этической позициями писателей, делается вывод о продуктивности «елочного» сюжета и многообразии вариаций его художественного воплощения в русской литературе конца XIX века.

Ключевые слова: «История двух елей» П. В. Засодимского, «Жизнь» А. И. Куприна, «Записки рождественской елки» Н. А. Лейкина, рождественский жанр, сюжет.

Lyudmila Vigerina

**A Christmas Tree Plot in Russian Literature:
"The Story of Two Fir-Trees" (1883) by P.V. Zasodimsky, "Life" (1895)
by A. I. Kuprin, "Notes of a Christmas Tree" (1883) by N. A. Leikin**

The article examines the transformation of the traditional Christmas tree plot in Russian literature of the 1880-90s on the basis of the Christmas stories of P.V. Zasodimsky, A.I. Kuprin, N.A. Leikin. The individual author's interpretation of the well-known plot is explained by the peculiarities of the worldview, aesthetic and ethical positions of the writers, a conclusion is made about the productivity of the Christmas tree plot and the variety of its artistic embodiment in Russian literature of the late 19th century.

Key words: "The story of two fir-trees" by P. V. Zasodimsky, "Life" by A. I. Kuprin, "Notes of a Christmas tree" by N. A. Leikin, Christmas genre, plot.

Е. В. Душечкина в книге «Русский святочный рассказ. Становление жанра», рассматривая вопрос о том, как западноевропейская традиция рождественской елки входила в русскую культуру и литературу XIX века, отметила, что «елочные» тексты (термин Е. В. Душечкиной. – Л. В.) становятся «обычным явлением» того времени [4, с. 153]. Исследовательница предложила и

классификацию «елочных» текстов, выделив три группы произведений или вариантов «елочных» сюжетов: 1) тексты, в которых «центром повествования оказывается сама елка», 2) «в центре стоят события рождественского или новогоднего праздника», 3) тексты, в которых «елку в богатом городском доме рассматривает через окно городской оборвыш, лишенный праздника» [4, с. 153]. Исследовательница указывает еще на одну группу «елочных» текстов – это те, в которых происходит авторская мифологизация елки, ей придаются новые, доселе не свойственные ей в культуре, смыслы. Е. В. Душечкина, выделяя эту четвертую группу текстов, указала на неизученность «солидного корпуса искусственных сказок и легенд о елке» [4, с. 157], с другой стороны, наметила пути исследования такого рода произведений. Новые символические смыслы образа елки, по мнению исследовательницы, одни «были заимствованы из западной традиции», другие «в процессе усвоения елки придумывались самостоятельно» [4, с. 157].

Целью настоящей статьи является исследование «елочных» текстов 1880–90-х годов, в которых елка является главной героиней: «История двух елей» (1883) П. В. Засодимского, «Жизнь» (1895) А. И. Куприна, «Записки рождественской елки» (1883) Н. А. Лейкина. Заметим, что в этих текстах также происходит авторская мифологизация образа елки. Поэтому, может быть, права Е. В. Душечкина в том, что не выделила в отдельную группу тексты, связанные с мифологизацией елки, но подчеркнула важную тенденцию в развитии святочной, рождественской, новогодней литературы второй половины XIX века.

«История двух елей» П. В. Засодимского входит в первый том «Задуманных рассказов» (1883) писателя и относится к той группе «елочных» текстов, которые ведут свое происхождение, по справедливому замечанию Е. В. Душечкиной, от сказки Х. К. Андерсена «Ель»: «Варианты этого сюжета в русской традиции многочисленны. Особенно популярными они становятся к концу века, когда к ним прибавляются сценки о продаже елок на рождественских базарах и первые «экологические» рассказы, в которых звучит тревога по поводу уничтожения лесов» [4, с. 154].

Елочный сюжет складывается, скорее всего, не только под влиянием литературы, но и самой жизни, меняющейся культуры, новой рождественской, новогодней традиции (обязательное присутствие на празднике елки, ритуал ее украшения и подарков с елки) в русской культуре XIX века. Об этом свидетельствует мемуарная, автобиографическая литература, в которой отражен биографический и исторический материал. Так, П. В. Засодимский в автобио-

графическом произведении «Из воспоминаний» описывает свои детские впечатления от Рождества, Рождественской елки, свои детские мечтания о ней, в которых елка становится для ребенка живым персонажем, способным чувствовать боль, тоску, горе и проч.: *«Вечером была у нас “елка”, зеленая, стройная, горевшая огнями, увешанная гостинцами и всякой всячиной. Сашка и его маленький братишка, Витя, вместе со мной радовались, глядя на елку, и получили с нее свою долю подарков и гостинцев. Мне с елки достались три особенно ценные подарка: “Сказки Перро” с рисунками, какое-то путешествие по Африке, и картина с изображением арабов, охотящихся на львов.*

Восковые свечи ярко горели, в комнате припахивало воском и свежей еловой хвоей, а я, сидя у елки на полу, с восторгом заглядывал в книжки и любовался на великолепную картину.

Живы, воспоминания детства!.. Проживи я хоть еще сто лет, они останутся в моей душе так же ярки и свежи... Все разошлись, я один остался в потемневшей зале. Свечи на елке догорали и гасли одна за другой, и лишь дымок, синеватой струйкой поднимавшийся там и сям среди зеленой хвои, указывал на то место, где догорела свеча. С каждой потухавшей свечкой в комнате становилось темнее, и ель погружалась в тень...

Я, как сказано, был склонен к мечтательности. Даже и теперь, в праздничные, веселые минуты, зеленая разукрашенная елка навеяла на меня грусть... Я представлял себе елку живым чувствующим существом и, глядя на нее, думал: “Может быть, ей было больно и страшно, когда острие топора вонзилось в ее крепкий, стройный ствол”... Срубили елочку, лишили ее жизни. А как хорошо ей жилось в родном лесу! Спокойно, привольно, в тиши стояла она там, прикрытая сыпучим снегом, в ожидании светлых дней весны... Заяц, может быть, иногда под нею лежал; белка, распушив хвост, прыгала по ее ветвям; может быть, серый волк пробежал мимо нее. Летом порхали по ней птички и пели свои песенки...

Теперь с отрубленными корнями стоит она в комнате, и не радуется ни ее блестящий наряд, ни блеск свечей. Высохнет ее хвоя и начнет осыпаться; снимут с нее все украшения и очутится бедная елочка за кухней; изрубят ее, и кухарка, старуха Матрена, вместе с дровами сожжет ее в печке» [7].

В этих детских мечтаниях о елке содержится тот же «елочный» сюжет, что и в сказке «Ель» Х. К. Андерсена, однако вряд ли в детскую пору Засодимский читал или знал это произведение, так как, по мнению ученых, «Ель» Андерсена появилась в русском переводе только в 1863 году [3], когда Засодимскому было уже 20 лет. По всей вероятности, следует говорить не о влиянии «Ели» Андерсена на «елочные» сюжеты произведений русских писателей, а

скорее об особом типе «елочного» сюжета, заданного и рождественской сказкой датского писателя, и складывающейся культурной традицией. Сюжетная схема такого рода «елочных» текстов остается неизменной (с незначительными вариациями и отступлениями): жизнь елки в лесу – перед Рождеством человек срубил елку – ритуал украшения елки – торжество елки – бесславный конец, – однако идейное наполнение такой схемы у разных писателей оказывается чрезвычайно разноплановым в зависимости от художественных задач, которые они ставили перед собой.

Рассмотрим эту проблему на материале анализа «Истории двух елей» П. В. Засодимского, «Жизни» А. И. Куприна, «Записок рождественской елки» Н. А. Лейкина. Действительно при сопоставлении «Истории двух елей» П. В. Засодимского и «Ели» Г. Х. Андерсена можно обнаружить общие мотивы, образы, идеи; в то же время очевидна оригинальность в разработке андерсеновского сюжета русским писателем-народником.

О переводах сказок, рождественских рассказов Г. Х. Андерсена, колоссальном интересе к ним в России, начиная с 1840-х годов, подробно писали Л. Ю. Брауде [2; 3], Г. К. Орлова [12; 13] и другие, поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе, приведем лишь некоторые суждения ученых на эту тему. Так, в работе Л. Ю. Брауде подчеркивается: «В последней четверти XIX и начале XX века популярность Андерсена в России неуклонно росла. Об этом свидетельствовали многочисленные издания его произведений и постоянное внимание критики. “Сказки Андерсена настолько знамениты, что рекомендовать их нет никакой надобности”, – утверждал один журнал. “Говорить о несравненной прелести сказок Андерсена не приходится: они слишком хорошо знакомы и старому, и малому”, – вторил ему другой» [2, с. 329–330].

Приводится в работе Л. Ю. Брауде мнение Вернера Хубля, финского деятеля культуры, много лет жившего в России, о том, что сказки Андерсена «так же любимы, как и басни Крылова, и встречаются во всевозможных изданиях, как в гостиной аристократа, так и на книжной полке ученика народной школы» [2, с. 331].

П. В. Засодимский, работая над святочными и рождественскими сказками и рассказами, не мог не учитывать традицию Г. Х. Андерсена, хотя никаких высказываний в письмах, публицистических или художественных произведениях писателя о творчестве Г. Х. Андерсена нет.

«История двух елей» не одинока в литературной ситуации 1880-х годов – начала XX века. Е. В. Душечкина в книге «Русская елка. История, мифология, литература» указала на появление сюжетов с двумя, тремя елками в качестве

персонажей в рождественских и новогодних рассказах с социальной тематикой: «Счастливая и кичливая» (1902) Н. И. Позняковой, «Сказка о двух елках» (1888) А. Н. Сальникова, «Добрые души» (1901) С. Лаврентьевой и другие.

П. В. Засодимский использует в своей рождественской истории амбивалентный архетипический образ вечнозеленой ели, связанный как с темой вечной жизни, так и с темой смерти. В рассказе говорится о елочках-близнецах, которые были разлучены накануне Рождества: одна из них стала рождественской елью, подаренной мальчику Коле, другая спустя много лет устелила ветвями своими погребальный путь Николаю Васильевичу – тому самому Коле. Так елочки встретились в судьбе героя Засодимского.

Сопоставление «Ели» Г. Х. Андерсена возможно только с одним сюжетным мотивом из рассказа П. В. Засодимского – рождественским. В целом картины мира в рассказах русского писателя и датского отличаются, что обусловлено спецификой мировоззрения, этикой и эстетикой творцов, а также историческим и национальным контекстом.

И в сказке Андерсена, и в «святочном рассказе» П. В. Засодимского ель и ели-близнецы принадлежат идиллическому хронотопу: в сказке Андерсена ель растет в лесу там, где много света и воздуха, ее окружают подруги, сосны и ели, рядом малинник. Дети, собиравшие в лесу землянику и малину, садятся отдохнуть в тени ее и восхищаются ее красотой. Птицы свивают гнезда в ветвях ели. Описания в сказке Андерсена-романтика обобщенные, они направлены на создание образа прекрасного мира, где «воздуха и света вдоволь», теплое солнышко, пение птичек, розовые облака.

В «святочном рассказе» П. В. Засодимского-реалиста даны пространственные и точные описания леса, елей, окружающей их среды. Преследуя, видимо, и образовательные цели (одна из функций детской литературы, по мнению писателя, познавательная), автор называет и описывает деревья и растительность леса: сосны, осины, ольха, ивы, береза, мох, шиповник, вереск, папоротник, малина, рассказывает о гнездовании птиц пенек, о поведении зимой белок, волков, лисиц, описывает жизнь леса в разное время года и суток. Такие описания характерны для писателя-беллетриста Засодимского, произведения которого отличаются очерковостью и этнографизмом. Не преминул писатель мимоходом отметить вырубку лесов как приметку современной ему русской действительности и тем самым выразить свое негативное отношение к этому явлению.

Еще одна характерная особенность описаний природы в этом рассказе состоит в том, что они даны сквозь призму восприятия писателя-христианина. Сначала появляется образ «почернелого пня», «давшего некогда жизнь нашим

елям», а затем и прямое признание автора: «Наши ели росли на трупах своих давно отживших, павших собратьев. Из Смерти почерпала силу Жизнь...» Эти слова явно соотносятся с евангельскими: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то не принесет много плода» (Евангелие от Иоанна, гл. XII, ст. 24). Само описание вечной прекрасной природы приобретает у Засодимского характер апофеоза, гимна Божьему творению, благодати Божьего мира: подчеркивается покой и тишина леса, красота его, все цветет, плодоносит и радуется человека, можно говорить о райских коннотациях в образе леса и лесной прогалины, об авторской трансформации архетипа леса, традиционного фольклорного образа леса с негативными смыслами. «Местечко было привольное и уютное», солнце освещает, согревает и веселит все живое днем, а ночью золотые звезды освещают небо, месяц «бросает серебристый луч», как «луч далекой, одинокой лампы, теплившейся под голубым сводом».

Мир природы изображен как одушевленный, одухотворенный, картины приобретают пантеистический характер: лепет ручейка напоминает лепет младенца, трепет осиновых листьев передает внутреннюю жизнь растения, сияние далеких звезд «кроткое», «нагрянет метелица-вьюга», «лес застонет, завоет глухо и жалобно», главные герои рассказа ели-близнецы имеют антропоморфный характер.

На изображение природы в «святочном рассказе» П. В. Засодимского повлиял литературный опыт писателя-очеркиста, этнографа, отраженный в таких его произведениях, как «Из жизни лесной стороны» (1878), «Лесное царство» (1878). Так, рассказывая о восприятии зырянами природы в «Лесном царстве», писатель указал на одухотворение ими природы, что свойственно всем первобытным народам: «Для зырянина каждое дерево, каждая былинка являлись существом живым, чувствующим» [8, с. 21]. Даже христианизация этого народа не повлияла существенно, считает П. В. Засодимский, на его поклонение природе, деревьям, что отражено в легендах, преданиях зырян, одно из которых приводит писатель: «... престол первой церкви, построенной у зырян – церкви Архангельской в селе Усть-Вым, – утвержден на пне «необъятно великой березы, коей идолопоклонствовавшие предки зырян якобы поклонялись, и на коей в жертву вешивали они соболя, куны и горностайные и прочие звериные меха» [8, с. 22]. Более того, – подчеркивает писатель, – миссионеры часто шли на уступки зырянам и «пни деревьев, особенно чтимых ... зарывались строителями под престолы христианских храмов»: «Даже несколько веков спустя зыряне по старой памяти чтили эти полусгнившие пни и кусочки их растаскивали по домам» [8, с. 26].

Данный контекст творчества писателя позволяет сделать предположение о происхождении образа старого почернелого пня в «Истории двух елей»: не мог он появиться здесь в отрыве от тех смыслов, которые были запечатлены в «Лесном царстве». Именно поэтому он представлен в «Истории двух елей» так торжественно – как прародитель, удостоенный особого почитания: его важное значение подчеркнуто пространственным расположением – в центре прогалыны, величиной – огромный, возрастом – «почернелый». Прекрасным обрамлением, украшением пня (своего рода ризой, окладом для иконы) стали желто-зеленый мох (символика изумрудного цвета связана с торжеством жизни), шиповник (символика которого связана и с терновым венцом Христа, и с Богородицей, а в народных представлениях – с мужеством), вереск.

Использует писатель при описании природного мира и фольклорные мотивы и образы, чтобы придать сказочный характер образам природы, а также занимательность рассказу для детей: «Как сказочные великаны в заколдованном сне, неподвижно стоят деревья, все в снегу, белые, бледные и, словно с мольбой, поднимают к звездному небу свои ветви, отягощенные хлопьями нависшего на них снега...» [6, с. 188]. Появляются в описаниях леший (лесной завыл под вьюгу), Морозко, который трещит на весь лес.

Все твари Божьего мира живут в гармонии: «Днем под нашими елями на земле – в траве, во мху, под каждую малую былинкою – копошились живые твари из царства насекомых» [6, с. 188], корни старого пня дают приют птицам, которые свили здесь гнездо. Все в мире Божьем устроено разумно и гармонично.

Фольклоризм характерен был для календарных произведений писателя-народника П. В. Засодимского. В «Истории двух елей» есть фольклорный образ медведя, который не трогает крестьянских девочек, собирающих ягоды: «Но медведь, по народному поверью, никогда не бросается на женщин, не обижает их» [6, с. 188].

В отличие от героини сказки Х. К. Андерсена «Ель», которая не замечает красоты окружающей ее природы в своем стремлении быстрее вырасти, покинуть лес, ели-близнецы из рассказа Засодимского, напротив, живут в согласии с миром природы, они только казались холодно равнодушными: «На самом деле они тоже радуются общей радостью, они тоже веселятся, торжествуют в общем торжестве и ликовании» [6, с. 188]. Елка из сказки Андерсена «не думала ни о теплом солнышке, ни о свежем воздухе, не было ей дела и до болтливых крестьянских ребятишек», ни до их восхищения ее красотой, не доставляли ей удовольствия ни пение птиц, ни «розовые утренние и вечерние об-

лака» [1, с. 197–198]. Она мечтает вырасти, чтобы ей было видно далеко-далеко, чтобы, когда дул ветер, она так же, как и другие, могла важно качать головой: «Да, расти, расти и поскорее сделаться большим, старым деревом – что может быть лучше этого!» [1, с. 198].

Ели в сказке Засодимского живут спокойно и счастливо и ничто не смущает их, не тревожит.

Разница образов елей у Андерсена и Засодимского обусловила и разную интерпретацию сюжетного мотива «перемещение в городское пространство». Елочка Андерсена, несмотря на то, что боится стука топоров в лесу, появления работников, которые срубили елки, сняли с них одежды и голыми увезли куда-то, все же мечтает покинуть лес, пусть так, как ее соседки, зато она увидит море (один из аистов поведал ей, что видел корабли в море, пахнущие елкой и сосной). В образе елочки заключена аллегория юности, стремящейся узнать огромный мир, жизнь, для этого покинуть родные места. Впрочем, из дальнейшего развития сюжета становится ясно, что не только юности присуще мечтательство, неудовлетворенность настоящим и надежда на то, что завтра будет счастье, но и человеку вообще: даже пройдя испытания, боль, страдания, елочка надеется, что все настоящее, ценное в ее жизни, счастье – впереди. В этом смысле образ Ели из сказки Андерсена может быть соотнесен с образом блудного сына: уход из родного леса, Рождественский праздник может быть соотнесен с пирами блудного сына, испытания, страдания, которые заставляют задуматься о верности пути, оценить то, что имел, – но только отчасти: в сказке Андерсена нет той христианской идеи, которая заложена в евангельской притче о блудном сыне.

Мысль писателя, последовательно проведенная в «Ели», воплощена в словах солнечных лучей, обращенных к елочке: «Радуйся своей юности! Радуйся своему здоровому росту, своей молодости и жизненными силами» [1, с. 199]. Но она не умела оценить ни поцелуев ветра, ни слез росы, ни красоты настоящего момента.

Под Рождество Елочка видела, как срубили несколько молоденьких елок, но одежд с них не снимали, и увезли из леса. Воробьи рассказали ей, что видели в окнах домов наряженные золочеными яблоками и свечами рождественские елки. И ей захотелось тоже пойти «такою же блестящею дорогой»: «Ах, если б я уже стояла убранная всеми этими прелестями, в теплой комнате! А потом что? Потом, верно, будет еще лучше...» [1, с. 200]. Воздух и солнечный свет обращаются к ней: «Радуйся нам! Радуйся своей юности и лесному привью!»), но «она и не думала радоваться».

Следующий сюжетный мотив сказок – гибель их в лесу под топором человека – решен писателями в одном ключе: они изображают боль своих смертельно раненых героинь.

«Жгучая боль и тоска, – говорится в сказке Х. К. Андерсена, – не дали ей даже подумать о будущем счастье, грустно было расставаться с родным лесом, с тем уголком, где она выросла, – она ведь знала, что никогда больше не увидит своих милых подруг – елей и сосен, кустов, цветов, а может быть, даже и птичек! Как тяжело, как грустно!..» [1, с. 200].

В рассказе П. В. Засодимского гибель ели изображается с большей пронзительностью, способной вызвать острое сопереживание, сострадание, что и стремился пробудить в душах юных читателей писатель: «Ой-ой, ой-ой! Словно задыхаясь и вся дрожа от боли, поскрипывала ель жалобным, плачущим скрипом», «Из смертельной раны ее на стволе выступил тотчас же застывший на морозе сок, как капли слез по минувшей, кончившейся жизни» [6, с. 194].

Новое городское пространство, куда попадают ели из леса, описано по-разному у датского и русского писателей.

Андерсен ограничивается описанием огромной, великолепной залы в доме, где наряжают срубленную ель: «По стенам висели портреты, а на большой кафельной печке стояли китайские вазы со львами на крышках, повсюду были расставлены кресла-качалки, обитые шелком диваны и большие столы, заваленные альбомами, книжками и игрушками...» [1, с. 200]. Ель посадили в большую кадку, поставили на пестрый ковер, явились слуги и стали ее наряжать. Ель думает, что попала в прекрасный мир и ее ожидает счастье, но этот блеск оказывается обманом: за торжеством последует бесславный конец, забвение, гибель. Автор прямо говорит читателю, что елка обманывается, он восклицает по поводу ее мечтаний о будущем: не придут другие деревья из леса полюбоваться ею, как она мечтает, не прилетят воробьи. «Да, как бы не так!» – горько-иронично замечает писатель. Елка мечтает, чтобы быстрее наступил вечер, когда зажгут свечи и она засверкает во всем своем блеске, но свечи зажглись и тотчас одна из свечек «пребольно обожгла», подпалила еловые иглы. А потом ворвались в комнату дети и стали срывать с нее все подарки, а потом петь и плясать, и никто уже, кроме старой няни, которая искала на ее ветвях оставленного финика или яблока, не смотрел на ель. «Она уже сделала свое дело!» – подытоживает с горечью эту историю автор, а ель так и не поняла, что это было и что теперь ей делать. Она продолжала мечтать и верить, что завтра придут опять слуги, опять украсят ее свечами и игрушками,

золотом и фруктами. Однако утром пришли люди и стащили ее на чердак в темный угол.

Она так и не научилась жить настоящим и быть счастливой, и только в конце своего существования осознала: «И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь... все прошло, прошло!» Однако автор не считает, что ее существование было пустым и бессмысленным, ведь радовала она мир своей красотой, послужила детям на Рождество, увлекла своими чудесными рассказами мышат, согрела своим теплом детей и развеселила их треском своих горящих веток. В последние мгновения своей жизни ель вспомнила «ясные летние дни» в лесу, «веселый сочельник», сказку про Клумпе-Думпе, и эти мгновения были наполнены воспоминанием о счастье, которое было, но которого она не замечала. Финал сказки примиряющий, гармонизирующий противоречия: все-таки смысл жизни, ценность каждого ее мгновения открываются героине сказки, уходит она из мира с воспоминанием о счастливых минутах своей жизни.

В рассказе П. В. Засодимского городской хронотоп противопоставлен идиллическому лесному хронотопу. Городской рождественский базар поражает ель наваленными на прилавках грудями мертвечины, город – «адски-невыносимым» уличным шумом. Писатель создает описания-натюрморты в духе Франса Снейдерса (1579–1657) и других представителей фламандского и голландского натюрморта XVI–XVII веков (заметим попутно, что шедевр Ф. Снейдерса «Лавки» (цикл из 4 картин: «Лавка дичи», «Рыбная лавка», «Овощная лавка», «Фруктовая лавка») и другие барочные натюрморты П. В. Засодимский мог видеть в Эрмитаже), а также характерные жанровые зарисовки городских сцен с собаками, бедняками, людьми разных сословий, уличными происшествиями: бедняк залез в карман к толстой купчихе, которая подняла шум, сбежали люди, явился полицейский. Писатель критического реализма, продолжающий в литературе традицию революционных демократов, Некрасова, Достоевского, не преминул включить в свой рассказ эпизод с бедняком, который, спасаясь от голода, совершает кражу, чтобы еще раз напомнить о милосердии, о многих и многих страдальцах, голодающих, погибающих от болезней, холода, не имеющих приюта, и вызвать сочувствие к ним и призвать к совершению добрых дел, к деятельному добру.

«Натюрморты» с мясными прилавками Засодимского даны глазами елки, которая узнает в мертвых куропатках, зайцах тех, кого она видела в лесу прыгающими и летающими. Метод «остранения», используемый писателем, заставляет задуматься о сохранении природы: писатель поднимает, как и многие другие авторы рождественских и новогодних произведений, экологическую

тему, проблему защиты лесов, природы, что было характерно для беллетристики конца XIX – начала XX века, как указывает Е. В. Душечкина [4, с. 154].

Третья часть рассказа П. В. Засодимского посвящена рождественской елке, украшенной игрушками, подарками и сладостями, Рождеству и хозяину праздника – ребенку Коле, который под ветвями рождественской елки мечтает уехать жить с матерью и подругой Соней в деревню, ходить там в лес, наслаждаться привольем сельской жизни.

Описания украшенной елки, детского праздника, сцена, как дети «рушили» елку, перекликаются с теми, что есть в сказке Андерсена, однако в последней праздник Рождества изображается с двух точек зрения: елка видит и замечает только блеск, мишуру праздника, а автор подсказывает читателю, что этот блеск может быть и опасен для елки: зажгли свечи и тотчас одна опалила елочные иглы, автор знает, что после торжества елку выбросят как ненужную вещь. Из этого двойного освещения картины и возникает щемяще-грустное восприятие ее читателями. В рассказе Засодимского этого нет, нет изображения восприятия праздника елкой: Рождественский вечер изображен с точки зрения автора как торжество любви и добра, единения людей, образ рождественской елки сольется навсегда в памяти Коли с образом матери, Сони, с воспоминанием о счастливом детстве.

Конец истории рождественской ели П. В. Засодимского похож на историю в сказке Андерсена: «Утром ее вынесли из залы, тащили по какой-то грязной лестнице, вытащили во двор и там бросили в снег» [6, с. 203]. Однако если история ели Засодимского на этом и заканчивается, автор не дает ни своего отношения к событию, ни рефлексии елки, то для сказки Андерсена весьма существенно как раз развитие сюжета елки после праздника: ее новое познание жизни, знакомство с другими персонажами, расширение жизненного опыта и мерцающая в ее сознании истина о смысле бытия.

В «Истории двух елей» продолжение рассказа связано уже с мальчиком Колей, ретроспективно описывается его биография: рассказывается сначала о смерти героя, а затем разворачивается сюжет его праведного жития.

В четвертой части рассказа события происходят спустя 20 лет после Рождественского праздника, украшением которого послужила одна из елей-близнецов. Изображаются похороны Николая Васильевича, того Коли, которому мать купила рождественскую елочку. Рабочие фабрики провожают в последний путь своего заступника, устилая дорогу зелеными ветками второй елочки – близнеца рождественской. Так в судьбе Коли встретились ели-близнецы: одна подарила ему воспоминание о Рождестве, с которым неразрывно были связаны и воспоминания о подруге Соне, о матери, материнской любви и о любви ко

всем людям, воспоминания, которые он пронес через всю жизнь, ветки другой елочки, которыми устлала дорогу покойнику к кладбищу, – стали знаком признательности, уважения рабочих к праведнику Николаю Васильевичу, одна осветила детство героя, другая – смерть его. Тем самым становится ясно, почему писатель избрал героями рассказа елей-близнецов: ель – символ Рождества, рождения нового человека, Жизни, но в такой же мере ель является символом смерти и бессмертия.

Пятая глава рассказа представляет собой своего рода житие Николая Васильевича, того праведника, без которого «не стоит село», по русской пословице.

В истории героя можно выделить следующие агиографические черты.

1. Благочестивые родители. Отца своего герой не знал, не помнил. Мать героя – праведница, именно она наставляла сына словами: «Люби, голубчик, всех. Все люди братья», – которые он помнил всю жизнь.

2. Небесным покровителем героя является Николай Чудотворец, имя которого значит «победитель народов». Некоторые мотивы жития Николая Чудотворца можно отметить и в сюжете истории героя: благодетельствовал тем, кто обращается к нему за помощью, помогал в житейских нуждах, пребывал в трудах, избегал человеческой славы. Как Николай Чудотворец хотел уйти в пустыню, но Господь назначил ему служение на Родине, так и Коля остался в родном городе: не всем же отправляться в столицу: «Счастье живет повсюду и полезным можно быть везде», – решает он.

Характерно, что герой умирает накануне Рождества, как и Николай Чудотворец, чье Успение отмечается 6 (19) декабря.

3. Учителем и духовным наставником Николая являлся старик – учитель истории, прекрасный человек и чудак, по мнению обывателей, то есть не такой, как все: праведники часто воспринимаются обывателями как не от мира сего, странные, чудачки. Наставления-проповеди учителя запали в душу ученика: «Все люди – братья. И живи с ними по-братски, действуй заодно, если хочешь быть счастливым и полезен другим». Не жадничай, не будь Иудой, не продавай братьев своих за 30 сребренников, не собирай богатства: «Богатство всего непрочнее на свете: вор его крадет, вода топит и огонь палит». Включает писатель в проповедь учителя и народные пословицы: «От трудов праведных не нажить палат каменных, говорит народ». В проповеди наставника звучат евангельские истины, мотивы из «Поучения» Владимира Мономаха, «Измарагда».

«Все счастье, – обращается Учитель к ученику, – в том, чтобы без семьи, без родных не чувствовать себя одиноким, чтобы весь род людской считать своей семьей, всех людей – за самых близких, искренних друзей, и жить с ними

одною жизнью до могилы!» [6, с. 212]. Однако христианские ценности, правила жизни звучат в рассказе как этические правила и имеют оттенок социалистический.

4. Подвиги святого – подвиги терпения, смирения, помощи сиротам, больным, всем страдающим.

Николай Васильевич защищал рабочих, вступался за них перед хозяевами, «удерживал хозяев от всяких мелких и крупных несправедливостей», завел воскресную школу для рабочих, отличался честностью (не взял ни гроша, хотя через его руки проходили большие деньги), хозяева фабрики смотрели на него, как на «диво». Праведник Засодимского – это народный заступник, защищающий социально обиженных людей.

В каждой нищей старухе он видел мать свою, в маленькой бедной девочке – Соню, а, значит, относился к ним по-родственному. «У него – большая семья. Все дети и взрослые, и все люди, постигнутые бедой, все несчастные, убогие, хилые, больные, бедные – вот его семья» [6, с. 219].

5. Писатель создает портрет героя с голубками, которые прилетали к нему поклевать хлебных крошек, – своего рода икону Николая Васильевича. Голубки здесь являются символами чистоты, внутренней целомудренности героя. Христос изображается в христианском искусстве с голубем, символизирующим Духа Святого.

Голубь – один из первых христианских символов, который отразился и в раннехристианском искусстве, в иконописи и в религиозном искусстве Нового времени. Голубь символизирует спасение (образ голубя в Ветхом Завете, который возвестил о конце потопа), христианские души (известное изображение двух голубей, пьющих из чаши, в Мавзолее Галлы Пладици в Равенне (5 в.)), чистоту и целомудрие, связь между Земным и Небесным.

В русской агиографической литературе известно видение Сергия Радонежского во время молитвы об учениках, в котором появляются птицы, символизирующие духовных чад святого. В иконописном варианте этого сюжета обычно птицы изображаются в виде голубей.

6. Как и святые, Николай Васильевич чувствует радость бытия и никогда уныние.

7. В агиографической литературе устойчивым мотивом является мотив гармоничных отношений святого с животными. Так и Николай Васильевич кормит голубков, спасает щенка из канавы, который становится ему верным другом.

8. Скромность, простота, довольство малым отличает в быту Николая Васильевича. Живет он в маленькой каморке, напоминающей келью. Эта каморка противопоставлена в рассказе конторе, в которой работает герой: контора – мрачное помещение с железными решетками на окнах, как в тюрьме, из окон видны только красные кирпичные стены мастерских, закоптелые трубы («невеселая картина», – восклицает автор): изображение завода, положения рабочих носит в рассказе резко критический, обличительный характер.

Каморка героя «освещается» портретом матери, а из окна виден лазурный клочок неба, который напоминает герою о его мечтах жить в деревне, о сельской идиллической жизни, о рае.

В рассказе противопоставлены ад современного города с его страшными фабриками и рай сельского приволья.

9. Как святые успевают приготовиться к смерти, распорядиться земными делами, так и Николай Васильевич распоряжается своим наследством – 160 рублями, оставшимися после него: малая часть должна пойти на похороны, а остальные деньги – заводским мальчикам на книги. Такая ценностная ориентация – книги, просвещение народа – характерна была для народников. Сам П. В. Засодимский и в деревне, где учительствовал, и потом в Петербурге в собственной квартире открыл библиотеку для детей и простого народа.

И. С. Тургенев в рассказе «Смерть» («Записки охотника») отметил, «как удивительно умирают русские люди»: просто, с заботой о ближнем, с думой, как не обременить собой других. Так и герой рассказа П. В. Засодимского уходит спокойно, с застывшей радостной улыбкой на лице. «Хорошо было бы для нас, – замечает автор-повествователь, – если бы мы могли встретить смерть так же спокойно, как этот человек».

Память о Николае Васильевиче запечатлена в сердцах рабочих, тех, кому он помогал, кого поддерживал. Характерно, что в последние минуты жизни рядом с героем оказывается мальчик Матюша, к нему обращены последние слова героя, он провожает Николая Васильевича на кладбище, стоит у его могилы.

Именами в рассказе наделены только сам герой, его подруга Соня и Матюша (от Матвея), тем самым имя героя оказывается маркированным: в художественной системе рассказа возникает возможность соотнесения Матюши с апостолом Матфеем, мотив продолжения учителя в ученике, который понесет его проповедь любви и добра: Матюша должен передать духовное завещание героя рабочим. С этим образом связана вера писателя в будущее, оптимизм финала рассказа: не останется селение без праведника.

Так, рассказ о елях П. В. Засодимский превращает в историю о праведнике, а образы елей – рождественской и погребальной – обрамляют повествование о жизни героя.

В рассказе проводится мысль, которая отражена и в сказке Андерсена: все имеет свой конец. В рассказ Засодимского введен образ часов, отбивающих время: жизнь устремляется к концу, к смерти, но «из смерти почерпала силу жизнь». Духовные зерна, посеянные Николаем Васильевичем, прорастут в душах рабочих, в душе мальчика Матюшки.

Образом ребенка завершается как рассказ Засодимского, так и сказка Андерсена. Образ мальчика, на «груди которого сияла золотая звезда, которая украшала елку в счастливейший вечер ее жизни», соотнесен тем самым с елкой, его судьба с ее судьбой: такой финал вносит щемящее чувство проходящей жизни, намечается в перспективе уход из мира и этого мальчика, который сейчас беззаботно играет и не знает о своем будущем, не думает о смерти. «Конец, конец! Все на свете имеет свой конец!» – так на элегической ноте завершает свою сказку Г. Х. Андерсен: человек перед лицом неизбежной смерти, он сам должен выбрать, как ему жить. Андерсен уходит от однозначного морализаторства, приглашая читателя задуматься над философскими вопросами бытия человека.

В «Истории двух елей» звучит проповедь социалистических идей.

Писатель-народник создал образ праведника с чертами современного писателя народника, который идет в народ, входит в его нужды, помогает ему, просвещает его: вносит, по выражению Гл. Успенского, нравственный элемент в его жизнь, заводит школы, избы-читальни и прочее.

Сказка Андерсена обращена к общечеловеческим закономерностям бытия, к противоречиям человеческой природы, рассматривает проблему смысла человеческой жизни, счастья. Это философская сказка-притча.

«Святочный рассказ» П. В. Засодимского рисует картину русской жизни конца XIX века с ее социальными противоречиями, с приметами конкретно-исторического времени, национальной культуры. Проповедь писателя-народника – защищать народ, помогать ему – совмещает евангельские ценности и народнические. Фольклорные мотивы, образы, с одной стороны, помогают создать картину мира национально конкретную и узнаваемую, с другой стороны, вносят народный взгляд на те или иные нравственные проблемы.

Проповедь служения народу облечена писателем в форму «святочного рассказа», который для писателя был обозначением любого произведения духовно-календарной словесности. На самом деле «История двух елей» – это рождественский рассказ: главный герой – ребенок, рождественское чудо – это

жизнь человека, который смог сохранить чистую, незапятнанную совесть, служить идеалам добра и любви и оставить по себе память как о праведнике.

Иной вариант разработки «елочного» сюжета представлен в «рождественской сказке» А. И. Куприна «Жизнь» [10].

Авторский подзаголовок не совсем точен, скорее «Жизнь» – это философско-аллегорическое произведение: здесь нет ни новеллистического, ни сказочного сюжета, нет изменения героев, герои пассивны, описательный элемент превалирует, художественное пространство и время, как и герои, имеют предельно обобщенный и символический или аллегорический характер. В художественной модели мира, воплощенной А. И. Куприным в «Жизни», выделяются символы болота, лесной глуши, лесной опушки, дороги, ели, сосны, оленя, собак, елочных игрушек, молодых зеленых побегов и некоторые другие.

Образ леса в «рождественской сказке» А. И. Куприна – амбивалентный образ, символизирующий мироздание, саму жизнь, если будем учитывать заглавие произведения. Лес – это и глухая чаща леса, болото (с негативными коннотациями), и светлая лесная опушка (с положительными символическими смыслами). Не случайно писатель подчеркивает, что сосна жила «в том же лесу», что и ель, акцентируя тем самым внимание на единстве жизни как единстве противоположностей. В произведении А. И. Куприна противопоставлены эти два символических пространства – болото и светлая лесная опушка, как и судьбы их обитателей. Именно особенностями хронотопа болота объясняет писатель взгляд растущей на нем сосны на жизнь: горький опыт «болотной» жизни заставляет ее «неумолчно роптать»: «Как скучно, как страшно жить!»

Опыт жизни елочки в прекрасном лесу, в пространстве идиллического хронотопа, подводит ее к идее: «О как прекрасна жизнь! Как хороши люди!» Авторская точка зрения, на наш взгляд, не совпадает ни с одной, ни с другой позицией. Взгляд каждого из персонажей оказывается ограниченным, правда о жизни и людях более сложна и неоднозначна.

Елочка выросла стройной и красивой, потому что ей вдоволь было на лесной опушке света, воздуха и влаги (рядом бежит журчащий ручей). Ее жизнь «привольная и веселая», ее ласкает горячими поцелуями летнее солнце, зима убирает сверкающими алмазами ее наряды. Она слышит щебет птиц, весной – «страстную торжествующую» соловьиную песнь, она вздыхает ароматы леса и свежего ветра. Таким образом, хронотоп светлой лесной опушки обладает чертами райского хронотопа.

Пространство же сосны проявляет коннотации, связывающие его с загробным миром. Сосна, «лишенная с детства живительного света и тепла, все-

гда окутанная ядовитыми болотными испарениями», выросла уродливым деревом. Она слышит на болоте только голодный вой волков, стоны и рыдания ветра.

Во второй главе «рождественской сказки» сосна и елочка противопоставлены по их функции и значению в мире людей.

Елочка в жаркий полдень дает приют и отдохновение уставшему богомольцу, который в тени ее смолистых, ароматных ветвей «умиленно шепчет»: «Вся премудростью сотворил...», она, «точно заботливая мать, склонившаяся над любимым ребенком, баюкает старика тихим шелестом...» В образе елочки проявляются черты Богородицы.

Весенней ночью елочка укрывает под своими ветвями влюбленных, «охваченных красотой этой чудной ночи», ей внятна разлитая в мире гармония и красота, она шепчет: «О, как прекрасна жизнь, как прекрасны люди!»

А сосна на болоте видит человека «с нехорошими мыслями и недобрый лицом», мужиков-лесокрадов, бродяг, преступников.

В «рождественской сказке» А. И. Куприна поднимаются проблемы человеческой судьбы, которые писатель в этот период своего творчества решает, учитывая идеи натурализма: человек обречен судьбе по своему происхождению, среда, его жизненный опыт определяют его воззрения на жизнь.

Третья глава является центральной в композиции произведения, состоящего из пяти глав. Здесь появляется новый герой – олень. Если рассматривать «Жизнь» А. И. Куприна в ее связях с творчеством Х. К. Андерсена, то следует говорить не только о связи со сказкой «Ель», но и со «Снежной королевой», где олень предстает как посредник между двумя мирами, наделен особыми сакральными чертами: только он мог перенести Герду в царство Снежной королевы.

В славянской мифологии олени, как и кони, переносят души умерших в потусторонний мир. В христианстве олень символизирует религиозное воодушевление и рвение: «в Библии встречается аналогия между оленем, жаждущим воды, и человеческой душой, жаждущей Бога» [14].

В «Словаре символов» Дж. Трессидера олень толкуется как «универсальный благоприятный символ, ассоциирующийся с востоком, восходом, светом, чистотой, обновлением, созиданием и духовностью».

В христианской иконографии олень, топчущий змею, является эмблемой христианина, борющегося со злом.

Олень с распятием между рогами стал эмблемой христианских святых: Губерта, Евстафия (Плакиды).

Образ оленя имеет амбивалентный характер: отмирающие и вновь отрастающие рога оленя – это символ смерти и воскресения.

В «рождественской сказке» А. И. Куприна изображается не рождение Спасителя, как этого следовало бы ожидать, а его казнь, убийство: олень здесь символизирует Христа, жертву закланную. Олень изображается как прекрасное благородное животное, преследуемое «собаками с красными высунутыми языками» и сраженное «красным огнем» выстрела человека. А. И. Куприн создает пронзительное описание умирающего оленя: «В его черных больших глазах, полных слез, выжалось столько страданий, мольбы и упрека, что рука охотника, занесенная над его жертвой, дрогнула пред ударом». Это авторское восприятие и рефлексия жертвы Христа. Стрдание, жертва, слезы, молитва – все эти образы, концепты отсылают к евангельскому контексту, тем более в «рождественской сказке». Образы собак «с высунутыми красными языками» символизируют агрессию. «В более примитивных древних представлениях собака ассоциировалась с загробным миром – как его страх и как проводник, доставляющий туда души умерших» [14].

Экспрессия красного цвета имеет особое значение в сцене убийства оленя: красные языки собак, красный огонь и кровь (красная). Красный цвет проявляет символические значения жертвы и агрессии.

После гибели оленя на место кровавой расправы сбегаются волки на запах крови. Волки здесь могут выполнять роль аллегории злых сил жизни, злобной человеческой толпы. Только ветер оплакивает смерть оленя: «застонал и зарыдал». Свидетелем этой жертвы является сосна, в ее унылом скрипе «послышалась накопленная годами жалоба»: «Как скучно, как страшно жить!»

Картине гибели, смерти в третьей главе рассказа противопоставляется картина рождественского праздника в 4 главе, на котором срубленная елочка предстает царицей. Описание праздника, елочных игрушек и украшений изобилует символами.

Символика света: яркий свет залы, свет свечей, – связана с образом Христа, воскресения, вечной жизни, Царства Божьего, рая. Серебряные ленты, украшающие елочку, имеют семантику чистоты, надежды, света, золотые – связаны с символом золота как божественного начала, света, солнца.

Елочные игрушки обладают символическими смыслами: птицы как воплощение человеческого и космического духа, бабочки и стрекозы как символ бессмертия, эмблемы человеческой души, свечи как символ духовного света, жизни, души человеческой, жуки (скарабей) как символ циклического возрождения природы, огонь как символ Божественной энергии, Божественной силы, возрождения, духовного порыва, рыба как раннехристианский символ Иисуса Христа.

Детский праздник, общий веселый хоровод детей вызывает у елочки восторг: «О, как прекрасна жизнь, как хороши люди!» Образы детей в «рождественской сказке» проявляют свои символические коннотации: это образы идеальных людей (заповедь Христа: будьте, как дети).

В последней – пятой – главе «Жизни» автор сводит две противоположные картины воедино, подчеркивая противоречивость жизни: когда елочка была царицей рождественского праздника, символизирующего рождение Спасителя, на ветках сосны в ту же ночь повесился «бесприютный скиталец». Сосна «все ниже и ниже склоняется над болотом, покрываясь красной ржавчиной от его испарений, старая сосна; ее листва совсем высохла и пожелтела, ствол стал еще уродливее.

– Как скучно, как страшно жить! – неумолчно ропщет она...»

Автор последовательно проводил в композиции сказки противопоставление жизни и судьбы сосны и ели, теперь, в последней главе, когда елочки нет, казалось бы, такое сопоставление невозможно. Однако жизни на болоте теперь противостоит картина жизни молодых побегов елочки: «А на месте срубленной елочки вырастают уже молодые, свежие побеги».

Такой финал сказки иногда интерпретируется как оптимистический, как утверждение вечной и бесконечной жизни. Отчасти, возможно, это так. Но нельзя забывать, что жизнь елочки и ее потомков – лишь часть общей жизни, а сосна все также тихо гибнет на болоте и продолжает роптать на жизнь.

Так о чем же сказка?

Символическая природа ее обуславливает множество толкований. Можно говорить и о том, что финал «рождественской сказки» – о равновесии добра и зла в жизни, о равновесии пессимизма и оптимизма: жизнь может дать материал и для веры, надежды, любви, но также может привести к безверию, мрачному взгляду на жизнь. Жизнь и смерть – повсюду: и прекрасная елочка заплатила за детский праздник своей жизнью. Ее «О, как прекрасна жизнь, как хороши люди!» может восприниматься и как прекраснодушие, и как незнание жизни. Продолжала ли бы она верить в красоту жизни, если бы стала свидетелем самоубийства, расправы над оленем?

А. И. Куприн своим философским символическим произведением ставит вопросы, а не разрешает их. Его «рождественская сказка» «Жизнь» носит принципиально диалогический характер и не предполагает разрешения трагических противоречий бытия, а только предлагает задуматься над ними.

«Жизнь» А. И. Куприна может быть воспринята и как художественная картина, иллюстрирующая философскую проблему единства и борьбы противоположностей, как ее понимал писатель.

Возможна интерпретация сказки и в конкретно-историческом аспекте: как выражение прекраснотушия интеллигенции, не знающей народной жизни, и как выражение народной скорби. Возможна интерпретация жалобной песни сосны как выражение разочарования народников, столкнувшихся с противоречиями народной жизни, ее нуждой, дремучестью. Такой подход будет оправдан, если рассмотреть рассказ в контексте очеркового творчества писателя 1890-х годов: «Лесная глушь», «Болото» и другие, но это тема уже другой статьи.

Елочный сюжет получил широкое распространение в юмористике 1880-х годов. «Записки рождественской елки» принадлежат «видному русскому юмористу» [9], издателю «Осколков», популярнейшему писателю своего времени Н. А. Лейкину. Основным жанром, разработанным юмористом, была «сценка», которая «под (его. – Л. В.) пером приобрела черты жанровой завершенности, стала своего рода эталоном» [9, с. 14].

Композиция «Записок рождественской елки» – кумулятивная: ряд сценок из «мужицкой» жизни, праздника Рождества в купеческом доме, уличных сцен с городовым и околоточным – соединены историей рождественской елки. Именно эти сцены жизни и представляют интерес для писателя.

Рассказ о мужике, срубившем елку, позволил писателю создать зарисовку жизни простолюдинов, нищую, зависимую от сильных мира сего. Писатель использует уменьшительно-ласкательные суффиксы, чтобы подчеркнуть бедность мужика и выразить свое сочувственное отношение к нему: лошаденка худенькая и лохматая, жалкий мужичонко в заплатанном полушубке, клячонка. На воровство мужик отправляется, чтобы хоть как-то поправить свое положение: оказывается, все его имущество заложено, он в долговой зависимости от купца-кровопийцы Маркела Алексеевича.

Сюжетный мотив – продажа елки на рынке – позволил нарисовать беззаконие представителей власти – городского и околоточного, которые требуют у мужика взятки.

В сцене праздника в доме купца осмеиваются его невежество, лицемерие, низкопоклонство и чиновничество, взяточничество. Иерархические отношения в социуме (чин чина почитай) распространяются, захватывают все сферы жизни: даже детский мир. Дети на рождественской елке в праздничной атмосфере, где, казалось бы, упразднены должны быть социальные перегородки, в купеческом доме ведут себя в соответствии со своим социальным положением: «Купеческие и генеральские дети прыгали, приютские стояли робко в стороне». Купец, пригласивший на елку приютских детей, внушает им: «Чего ж вы кикиморами стоите? Вы должны радоваться и чувствовать, что член вашего приюта для вас удовольствие делает, а не буками стоять». Он обращается

к воспитательнице: «...внушите им, чтобы у них был радостный вид. Просто неприятно после этого и благодеяния делать, ежели дети ничего этого не чувствуют и носы воротят в сторону». Купец дает приютским детям «понятие о жизни», подчеркивает цену своего «благодеяния». «Вот как вас балует господин член», – говорил он, раздавая дешевенькие подарки приютским. «К своим и генеральским детям даже приравнял. А вы ко всему этому без всяких понятий в жизни» [11].

Получают подарки дети на купеческой елке тоже в соответствии с иерархией: первыми получили генеральские, потом – хозяйские, а затем уже – приютские.

С подобострастием купец подает генеральскому мальчику особую бонбоньерку (возможно, взятку, упакованную в рождественский подарок), чтобы тот передал «его превосходительству», отцу мальчика.

Никто из персонажей праздника не чувствует праздничной благодати: генеральские дети приглашены из желания услужить генералу, им оказывается почет как генеральским детям, приютские чувствуют свое униженное положение, должны выслушивать поучение купца быть почтительными и понимать свое место.

Писатель проецирует социальные иерархические отношения и на мир предметов, тем самым доводя до абсурда иерархическую систему. «Записки рождественской елки» заканчиваются словами: «Вот уже три года, как я, елка, **состою в звании** палки для метлы и **служу дворникам** большого каменного дома» [11, с. 102].

«Елочный» сюжет превращается под пером Н. А. Лейкина в сюжет о понижении в чине: «Теперь, на закате моих дней, я не что иное, как обструганная палка, воткнутая в метлу дворника, но когда-то я была пушистой елкой. Теперь я стою в сообществе лопаты и железного скребка, прислоненная к дверям дворницкой, но когда-то я росла на опушке леса в сообществе подруг-елок» [11, с. 96].

Сатирическая заостренность в рассказе достигается тем, что мир иерархии, чинов и званий захватывает даже мир предметов.

Таким образом, елочный сюжет позволил писателям разных эстетических и мировоззренческих позиций использовать его для воплощения своей художественной концепции жизни: философской притчи («Жизнь» А. И. Куприна), народнического рассказа о праведнике, народном заступнике, юмористического рассказа-сценки о купеческом лицемерии и о современной действительности, где нет места подлинно человеческим отношениям и ценностям.

Судьба елочного сюжета прерывается в советское время, как и судьба самой елки, которая будет возвращена в культуру только в 1935 году. Тогда же в литературе вновь происходит актуализация «елочного» сюжета, который в новых исторических условиях обретает новую жизнь и новое идейно-художественное наполнение. Однако эта проблема требует отдельного специального исследования, некоторые важные аспекты которого намечены были в книге Е. В. Душечкиной «Русская елка. История, мифология, литература», но не исчерпаны. Одно несомненно: «елочный» сюжет оказался весьма продуктивным в русской литературе XIX–XX веков.

Список литературы

1. Андерсен Г. Х. Сказки. СПб., 1991. 458 с.
2. Брауде Л. Ю. Х. К. Андерсен в России // Андерсен Г. Х. Сказки, рассказанные детям. М., 1983. С. 321–337.
3. Брауде Л. Ю. Х. К. Андерсен в русской и советской критике // Труды Института истории АН СССР. Л., 1970. Вып. 11. С. 313–322.
4. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ. Становление жанра. СПб., 1995. 256 с.
5. Душечкина Е. В. Русская елка. История, мифология, литература. СПб., 2002. 414 с.
6. Засодимский П. В. Задушевные рассказы: в 2 т. СПб.: Ф. Павленков, 1883.
7. Засодимский П. В. Из воспоминаний. СПб., 1908. 450 с.
8. Засодимский П. В. Лесное царство. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1908. 143 с.
9. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. М., 1989. 261 с.
10. Куприн А. И. Жизнь. Рождественская сказка // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. М., 1970. Т. 1. С. 373–376.
11. Лейкин Н. А. Рождественские рассказы. СПб., 1901. 94 с.
12. Орлова Г. К. Х. К. Андерсен в русской литературе конца XIX – начала XX века: восприятие, переводы, влияния: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 23 с.
13. Орлова Г. К. О феномене популярности сказок Х. К. Андерсена в России конца XIX – начала XX века // Скандинавская филология. 2017. Т. 15. № 1. С. 98–109.
14. Трессидер Дж. Словарь символов. М., 2001. 443 с.

References

1. Andersen G. H. *Skazki* [Fairy tales] St. Petersburg, 1991. 458 p. (In Russian).
2. Braude L. YU. H. K. *Andersen v Rossii* [Andersen in Russia] Andersen G. H. *Skazki, rasskazannye detyam* [Fairy tales told to children] Moscow, 1983. Pp. 321–337 (In Russian).
3. Braude L. YU. H. K. *Andersen v russkoj i sovetskoj kritike* [Andersen in Russian and Soviet criticism] *Trudy Instituta istorii AN SSSR* [Proceedings of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences.] Leningrad, 1970. Vyp. 11. Pp. 313–322 (In Russian).
4. Dushechkina E. V. *Russkij svyatochnyj rasskaz. Stanovlenie zhanra* [Russian Christmas-tide story. Formation of the genre] St. Petersburg, 1995. 256 p. (In Russian).
5. Dushechkina E. V. *Russkaya elka. Istoriya, mifologiya, literature* [Russian tree. History, mythology, literature] St. Petersburg, 2002. 414 p. (In Russian).

6. Zasadimskij P. V. *Zadushevnye rasskazy* [Heartfelt stories] V 2 t. St. Petersburg: F. Pavlenkov, 1883 (In Russian).
7. Zasadimskij P. V. *Iz vospominanij* [From memories] St. Petersburg, 1908. 450 p. (In Russian).
8. Zasadimskij P. V. *Lesnoe carstvo* [Forest kingdom] Moscow: t-vo I. D. Sytina, 1908. 143 p. (In Russian).
9. Kataev V. B. *Literaturnye svyazi CHEkhova* [Chekhov's literary connections] Moscow, 1989. 261 p.
10. Kuprin A. I. *ZHizn'. Rozhdestvenskaya skazka* [A Christmas Tale] Kuprin A. I. *Sobranie sochinenij: v 9 t.* [Collected works in 9 vol.] Moscow, 1970. T. 1. Pp. 373–376 (In Russian).
11. Lejkin N. A. *Rozhdestvenskie rasskazy* [Christmas stories] St. Petersburg, 1901. 94 p. (In Russian).
12. Orlova G. K. *H. K. Andersen v russkoj literature konca XIX – nachala XX veka: vospriyatie, perevody, vliyaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Andersen in Russian literature of the late 19th – early 20th centuries: perception, translations, influences. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences] Moscow, 2003. 23 p. (In Russian).
13. Orlova G. K. *O fenomene populyarnosti skazok H. K. Andersena v Rossii konca XIX – nachala XX veka* [On the phenomenon of popularity of H. C. Andersen in Russia in the late 19th – early 20th centuries] *Skandinavskaya filologiya* [Scandinavian Philology] 2017. T. 15. № 1. Pp. 98–109 (In Russian).
14. Tressider Dzh. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols] Moscow, 2001. 443 p. (In Russian).